

ЭПОХА МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

Магдалина Гладкая

Среди древних русских городов Суздалью выпало нести роль исторически-религиозного места. Весьма рано, с XII века, за ним закрепляется статус духовной столицы Руси, а позднее — религиозного центра Московского государства. В первой половине XIV века в Суздале учреждается викариатство в составе Московской митрополии, а с начала XVII века — самостоятельная Суздальская епископия во главе с архиепископом Серапионом.

Эти обстоятельства предопределили утверждение в конце XVII века на суздальской кафедре сана митрополита. Вместе с тем оставление суздальского митрополита оказалось обоснованным и общей ситуацией второй половины XVII столетия, когда после крушения идеи строительства «Нового Иерусалима» и внутрицерковного раскола остро встал вопрос об укреплении русской церкви.

Известно, что идея строительства «Нового Иерусалима», как глобальная программа, в основном касалась деятельности патриарха Никона и на первом этапе сопровождалась поддержкой царя Алексея Михайловича. В этой связи не случайным выглядит возведение в сан первого суздальского митрополита — священнослужителя близкого к царю и разделяющего устремления патриарха. Иларион, в миру Иван, родом из нижегородских земель, был сыном священника Анании, который совместно с Никоном двигался на патриарший престол, но отказался от него в пользу Никона. Ясно, что Иларион был знаком с будущим патриархом, а в дальнейшем примкнул к нему «в деле исправления книг». До перевода в Суздаль Иларион, основатель и строитель Флорищевой пустыни, как высокодуховный подвижник, приближается к царю Алексею Михайловичу. Имея на него большое влияние, и не без участия своего двоюродного брата — знаменитого царского изографа Симона Ушакова, Иларион становится духовником его сына — Федора Алексеевича. Возведение во Флорищевой пустыни каменного Успенского храма с иконостасом работы государевых изографов фактически стало подарком царя своему духовнику. В последние годы жизни Иларион пользуется уважением Петра Великого. Между этим

фактом и ссылкой первой жены Петра I Евдокии Лопухиной в суздальский Покровский монастырь есть связь: Лопухина была отправлена в Суздаль под опеку Илариона.

При царе Федоре Алексеевиче Иларион был назначен архиепископом, а затем, 25 марта 1682 года, возведен в сан митрополита «в царствующем граде Москве в соборе Благовещения Пресвятыя Богородицы, что на сених», как гласит подпись на его портрете в Крестовой палате архиерейского дома Суздальского кремля.

Деятельность митрополита Илариона в Суздале соединила в себе несколько направлений. основополагающими становятся его действия по возвращению Суздалью положения духовной столицы. Своими устремлениями митрополит подготавливает почву для усиления значения суздальской епископии и добивается ее весьма высокого авторитета. Сам Иларион имеет отношение к назначениям на епископские кафедры, а его преемник Макарий, сторонник Петра I, выдвигается на патриарший престол. Иларион активно поддерживает значимость Суздаля как святого места и значимость тех святынь, которые это место освящают.

Возвышение суздальской митрополии находит зримое воплощение в крупномасштабном храмовом строительстве, в первую очередь благоустройстве кремлевского собора Рождества Богородицы и расширении митрополичьей резиденции. Показательно, что ориентиром строительству служит архиерейский комплекс построек Московского Кремля, в чем прозрачно прочитывается стремление к «патриаршему» идеалу. Именно этому обстоятельству обязан нынешний облик Суздальского кремля. Новые обширные митрополичьи (или архиерейские) палаты вбирают в себя старые здания епископского двора и приобретают парадное помещение для заседаний — Крестовую бесстолпную палату. Следуя указанному образцу, постройки архиерейского дома замыкаются в единую архитектурную композицию с собором, где собору отводится доминирующая срединная позиция, а архиерейскому дому — подчиненная, что в полной мере соответствует православным установкам. Палаты окружают собор с западной и южной стороны, образуя внутренний соборный двор, в который обращен

своим главным фасадом основной корпус митрополичьего дома с Крестовой палатой во втором этаже. Перекинутый от палат к соборной колокольне крытый переход довершает окружение двора. Композиционная и бытовая связь с собором осуществлена устройством главного входа в палаты строго по оси южного соборного портала. Подобные композиционно-пространственные завязки архиерейских построек с богородичным храмом осуществили как бы пребывание их под постоянным покровительством Богоматери. Кроме того, они подчеркнули в доминирующей постройке функцию митрополичьего храма.

Внутри храма митрополит также производит значительные преобразования — вновь с оглядкой на московские образцы. Интерьер храма уподобляется главному патриаршему Успенскому собору Московского Кремля и царскому собору Покрова Богородицы в Измайлове. Оба образца — и патриарший и царский — с их просторными интерьерами определяют характер переделок: растеску окон, уничтожение хор — места моления посадской знати, расчистку помещения от надгробных памятников и гробниц князей и епископов. Примечателен факт, известный по свидетельству священника собора Федора Благодрава и иеромонаха Иоасафа, что все предпринималось «по соизволению царя». В этом случае, как при поставлении митрополита, инициатива и поддержка со стороны светской власти были не только частным случаем в дружеских отношениях царя и его духовника, но и показательной приметой времени.

Параллельно с созданием центральной святыни Суздаль Иларион укрепляет суздальские монастыри и этому вновь способствуют вклады и внимание к ним со стороны московских царей. Покровский монастырь приобретает стены и башни, приказную избу, верхний ярус колокольни. В Евфимиевом монастыре производится роспись Спасо-Преображенского собора, достраивается звонница и стены. В посадской части города выстраивается семьдесят приходских церквей. Поддерживая монастыри и посадское движение по возведению церковных зданий, Иларион в буквальном смысле «заселяет» Суздаль храмами и окружает святынями кремль.

В главных соборах названных монастырей — Покровском, Спасо-Преображенском, включая Рождественский в кремле — создаются и самые существенные программные произведения времени Илариона: крупные пятиярусные иконостасы. Безусловно, их следует рассматривать в рамках подражания обновительской деятельности Никона, который начал с создания нового иконостаса для Успенского собора Московского Кремля (для Рождественского иконостаса московский выступает почти

буквальным образцом). Следование никоновским реформам и утверждение собственных позиций объясняют на первый взгляд неоправданные действия Илариона по замене отнюдь не ветхих иконостасов на новые. Богословская программа, заложенная Иларионом в этот основной для православного храма элемент интерьера, и составляет исключительность эпохи первого суздальского митрополита.

Из названных произведений в полном объеме сохранился только один — Рождественский. Покровский иконостас предстает перед нами в описи и в нескольких иконах. История Спасо-Преображенского иконостаса не прослежена. Но к этому ряду присоединяется иконостас Успенского храма Флорищевой пустыни, не сохранившийся, а известный по описи.

Создание иконостасов рассматривается как крупное деяние государственного масштаба: в нем принимают участие митрополит, царь и царские изографы Симон Ушаков, его ученики Георгий Зиновьев, Артемий Петров. Артемий Петров возглавил большую иконописную артель, формирование которой следует отнести на счет Илариона. Также в основном митрополит Иларион вносит в устоявшуюся к XVII столетию каноническую концепцию высокого иконостаса существенные изменения. Начиная с первого Успенского иконостаса во всех из них просматривается неканоническое обращение с традиционно выдержанным и иерархически выстроенным составом образов. Так, во всех наличествует никогда не помещаемый в иконостасы мученический чин и, напротив, отсутствует праотеческий ярус (в Покровском и Успенском он заменен на святителей; в Рождественском святители изображены на столпцах центральных царских врат). Далее отмечается либо вынос праздников в пространство собственно храма (в Покровском и Рождественском), либо перестановка Деисуса с пророками (в Успенском).

При истолковании позиций митрополита, с одной стороны, прочитывается греческая ориентация: изображение расширенного апостольского Деисуса и размещение местных икон соответствует тому, что предписывает устав греческой православной церкви. И именно это являлось основой никоновского преобразования иконостасной структуры. Но последовательное включение в нее мученического чина представляет нам собственную программу Илариона, используемую им в монастырских храмах, где необходимо было поддержать идею монашеского подвига. В своем архиерейском храме Иларион усиливает это звучание включением в надместный ряд сцен страстей Христа, а в местный — образов первых архиереев, принявших мученическую смерть. В этой повторяемости темы мученичества, через намек

на архиерейское служение (равно и монашескую жизнь), как на мученический венец, образно демонстрируется сочувствие к жизненной ситуации патриарха Никона.

Особо значимо истолкование взглядов Илариона относительно позиции русской православной церкви в период, когда ушли со сцены преобразователь Никон и миролюбец Алексей Михайлович. В этой связи интересен анализ иконостаса Рождественского храма (существенно напомнить, что он имел никоновский образец — иконостас 1653 года, которому следовал в устаревшей тябловой конструкции, в простоте форм и убранства). Показ земного пути Бога-Сына и его воплощения (через празднично-страстные сюжеты), присутствие образов христианских мучеников с иконой «Распятия», пророков, связанных с приходом Мессии, представляет расширенное произведение, посвященное Христу. Это посвящение несет в себе тему вселенской любви, так значимую для времени недавних религиозных конфликтов. Тем самым определяется и роль архиерея как миротворца, поскольку он в процессе службы уподобляется Христу. Общий для двух последних иконостасов пример выноса праздников на столбы четверика, где к XVII веку начали изображать митрополитов, подчеркивает важность и избранность пастыря в православной церкви.

Рядом с темой миролюбия возникает тема приверженности к вселенской Восточной Церкви, тема общности ее и церкви русской, как завет единства после раскола. Это утверждается помещением на центр иконостаса — привратные столпцы главного входа в алтарь — вселенских учителей и создателей литургии, а на заглавную местную икону с обобщенно-символическим названием «Архиереи Великии прошедши небеса» предстоящих Христу первых русских подвижников-монахов Евфимия Суздальского и Сергия Радонежского. Их объединяют похожие биографии — вначале пустынников, затем создателей и управителей монастырских обителей, затем архиереев. В этом смысле суздальский митрополит Иларион сопричастен им.

Как второй завет для русской церкви расцениваются постоянные усилия суздальского митрополита, направленные на чистоту православной редакции литургии по древним каноническим нормам, соотносимые с аналогичными действиями Никона. В иконостасе тема

литургии закреплена тройным звучанием: образом Христа-Архиерея, образами создателей литургии и образами четырех дьяконов древней церкви.

Весьма существенно объяснение отсутствия в иконостасах праотеческого чина. Это расценивается как близость западной религиозной традиции. Однако замена их святыми, напротив, демонстрирует противодействие Илариона западным влияниям. Прозападные настроения были присущи и царю Федору Алексеевичу, получившему европейское образование от выдающегося славянского просветителя Симеона Полоцкого. Вместе с тем Федор Алексеевич имел тесные отношения с греческой церковью и «...добился реабилитации Никона от собора восточных патриархов».

Таким образом, время митрополита Илариона оставило нам уникальный памятник, который как художественное произведение являет яркий пример московской школы иконописи, а как явление русской православной культуры не имеет аналогов. Это вполне оригинальное переосмысление богословских идей, заложенных христианской традицией в тематику православного иконостаса. Традиционный эсхатологический аспект, как ожидаемая картина будущего, сменен здесь на зримый путь спасения.

Время Илариона проходит в послениконовский период. Суздальский митрополит выступает откровенным последователем взглядов патриарха. Однако следует отметить его собственные немаловажные достижения. В ситуации раскола и конфликтов неординарно выдвинутая им идея вселенской любви, его собирательное, созидательное, объединяющее домостроительство, поддерживающее христианское горение. Выступая приверженцем православия в соответствии с реформами Никона и ориентируясь на Восточную Церковь, он как бы продолжает дело патриарха по строительству «Нового Иерусалима» и при этом расширяет идею и значительно превосходит образ. Не повторяя мысль буквально, а воспроизводя символ «Нового Иерусалима» как храма Христа и придавая своим обширным и повсеместным храмосозиданием всему пространству Суздаля сакральный смысл, митрополит Иларион рассматривал его в контексте иного осмысления как темы «Града Небесного». Именно такой образ Суздаля оставила нам эпоха Илариона.

Богоматьерь «Умиление»
XIV в.

Борис, Глеб, князь Владимир
XVII в.

Икона-таблетка «Избранные святые»

Митрополит Алексей
XV в.

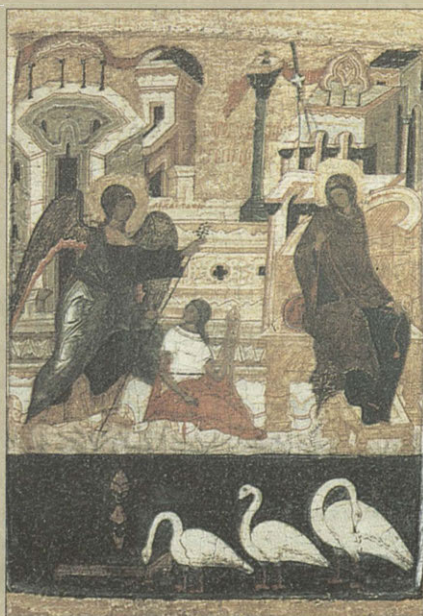
Икона-таблетка «Рождество Христово»
XVI в.

Богоявление
Конец XV в.

Никола в житии
Начало XVI в.

Благовещение
XVI в.